

ЭМИГРАЦИЯ. ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ. ССЫЛКА (из материалов Международной конференции, 27–30 сентября 2018 г., Тюмень)

Арустамова А. А.
Пермь, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3079-0253

Кондаков Б. В.
Пермь, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1727-8047
E-mail: aarustamova@gmail.com

УДК 821.121.1-1
DOI 10.26170/FK19-02-11
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-445
ГСНТИ 17.07.29
Код ВАК 10.01.08

НАЧАЛО ПУТИ: СТРАТЕГИИ ПОЭТИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ О. СКОПИЧЕНКО, М. ВИЗИ, Е. ГРОТ¹

Аннотация. В статье исследуется проблема формирования поэтического самоопределения в раннем творчестве поэтесс русской эмиграции М. Визи, Е. Грот и О. Скопиченко. Творчество данных авторов уникально в силу принадлежности двум ветвям русской эмиграции – восточной и западной (американской): покинув достаточно рано Россию и оказавшись на Дальнем Востоке, в начальный период своего творчества они принадлежали дальневосточной ветви русской эмиграции, однако их поэтический путь завершился в США (Сан-Франциско).

В статье анализируется связь творчества М. Визи, Е. Грот и О. Скопиченко с традициями русской литературы Серебряного века, в частности, с русским символизмом. Отмечается, что в ранний период их поэзия носит «литературоцентричный» характер, что обусловлено культурно-историческими и биографическими причинами. Особое место в статье занимает рассмотрение роли в их поэзии традиций, связанных с творчеством А. Блока (системы мотивов, образов, аллюзий), и их роли в поэтическом самоопределении авторов. Раскрываются художественные функции идеи жизнестроения в ранней лирике М. Визи и процесс перехода к классической традиции в произведениях Е. Грот и О. Скопиченко.

Поэтическое самоопределение в творчестве М. Визи связано с поисками духовного пути; в творчестве О. Скопиченко – со стремлением вернуться на Родину, ощущением горечи изгнания и тягот пути на Восток, безысходностью и абсолютизацией чуждости мира, в котором оказалась поэтесса. Поэтический путь Е. Грот связан не только с трагическим переживанием доли изгнанников, но и с ощущением трагедии человека XX столетия.

В работе показаны индивидуальные особенности ранней поэзии трех поэтесс, отмечены некоторые особенности поэтики творчества каждой из них, проанализирован ряд стилистических приемов.

Ключевые слова: литература русской эмиграции в Китае; литература русской эмиграции в США; поэтика; стиль; Серебряный век; поэзия; стратегия самоопределения; М. Визи; Е. Грот; О. Скопиченко.

Arustamova A. A.
Kondakov B. V.
Perm, Russia

THE BEGINNING OF THE PATH: THE STRATEGY OF POETIC SELF-DETERMINATION IN THE EARLY POETRY OF OLGA SKOPICHENKO, MARIA VIZI AND ELENA GROT

Abstract. The article deals with the problem of formation of poetic self-determination in early works of the Russian émigré poetesses M. Vizi, E. Grot, O. Skopichenko. They belong to two branches of the Russian émigré literature of the first wave: eastern and western (American). They left early enough Russia and moved to the Far East, where M. Vizi and O. Skopichenko published their first collections of poems. Later all three poetesses settled in San-Francisco and they were among the organizers and members of the Literary-Art Circle.

There communication of creativity of these authors with the Russian tradition of the Silver age, in particular with the Russian symbolism is analyzed in the article. It is noted that during an initial period their poetry has literature-oriented character that is caused by the cultural and historical and biographic reasons. The role of A. Blok's poetic traditions, the systems of motives, images in M. Vizi, O. Skopichenko and E. Grot's early works are considered. Authors of the article examine the value of a figure of the poet of the Silver age for poetic self-determination in poetry of all three poetesses as well as the idea of a „zhiznestroyeniye“ in early poems of M. Vizi. It is revealed that a framework of modernism extends and there is a ties with classical tradition in the poetry of E. Grot and O. Skopichenko. Poetic self-determination is connected with search of a spiritual way in M. Vizi's art and the aspiration to return home and overcome an exile

Keywords: Russian emigrant literature; poetics; literary styles; poetic creative activity; strategies of self-determination; poetic self-determination; women-poets; Russian emigration.

¹ Исследование подготовлено при поддержке Благотворительного Фонда В. Потанина (Грант № ГСНК-95/18).

in O. Skopichenko's poetry. In O. Skopichenko's poems there are the feeling of bitterness of emigration, constant recollecting of fleeing trauma and hopelessness. The poetic path of E. Grot is connected not only with tragic experience of exile, but with the tragedy of the person in the XX century.

Also, some specific features of early poetry of three poetesses are shown in the article; some features of poetics and style are analyzed.

Для цитирования: Арустамова, А. А. Начало пути: стратегии поэтического самоопределения в ранней лирике О. Скопиченко, М. Визи, Е. Грот / А. А. Арустамова, Б. В. Кондаков // Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 90–97. DOI 10.26170/FK19-02-11.

For citation: Arustamova, A. A. The Beginning of the Path: the Strategy of Poetic Self-determination in the Early Poetry of Olga Skopichenko, Maria Vizi and Elena Grot / A. A. Arustamova, B. V. Kondakov // Philological Class. – 2019. – № 2 (56). – P. 90–97. DOI 10.26170/FK19-02-11.

В 1921 г. в Сан-Франциско был организован Литературно-художественный кружок, сыгравший ключевую роль в организации культурной и литературной жизни русской диаспоры. Он объединил лучшие творческие силы; его участники составили корпус авторов русских изданий Сан-Франциско: журнала «Земля Колумба», сборников «Родные мотивы», «Дымный след», «У Золотых ворот», ежегодника «День русского ребенка», газеты «Русская жизнь». В числе основных организаторов кружка исследователи называют Елену Грот (1891–1968), на квартире которой собирались литераторы Сан-Франциско [Хисамутдинов 2013; Крейд 2001]. Членами кружка, численность которого доходила до 80 человек, были также Ольга Скопиченко (1908–1997) и Мария Визи (1904–1994).

Е. Грот, О. Скопиченко, М. Визи – поэтессы, связанные не только принадлежностью к одному литературному объединению, но и общностью литературной биографии. Судьба рано разлучила их с Россией; часть их жизненного пути была связана с Китаем или Дальним Востоком, а переезд в Сан-Франциско стал завершением их странствий по свету. Так, старшая из поэтесс, Елена Грот, родилась в 1916 г. в Тобольске; она закончила Бестужевские курсы в Петербурге и в возрасте 25 лет отправилась вместе с мужем в США, поскольку его, офицера русской армии, командировало туда Главное артиллерийское управление. Вернувшись в Россию, Е. Грот провела некоторое время на Дальнем Востоке и в 1921 г. окончательно переехала в Калифорнию [Грот 1969: 6–7]. В Сан-Франциско Е. Грот принимала активное участие в организации Литературно-художественного кружка, сотрудничала с газетами «Русские новости» и «Русская жизнь», создала сборники стихотворений «Свеча зажженная» (Сан-Франциско, 1930), «Избранные стихи и очерки» (Мадрид, 1969).

Ольгу Скопиченко и Марию Визи можно отнести к «младшему» поколению поэтов-эмигрантов первой волны. Ольга Скопиченко покинула Россию будучи совсем юной, девяти лет; образование она получила в Китае; там же начался ее творческий путь. Поэтесса посещала литературный кружок «Чураевка», издала сборники «Родные порывы» (Харбин, 1926), «Будущему вождю» (Тяньцзинь, 1928) и «Путь изгнанника» (Шанхай, 1932). В Сан-Франциско О. Скопиченко приехала достаточно поздно, в 1950 г., проведя два года перед тем в эвакуационном лагере на острове Тубабао и еще раз испытав там тяготы беженской жизни. В Сан-Франциско она активно сотрудничала с газетой «Русская

жизнь» и опубликовала ряд сборников стихотворений: «Неугасимое» (1954), «Памятка» (1982), «Рассказы и стихи» (1994).

Судьба Марии Визи одновременно и похожа на судьбы двух других поэтесс, и несколько отлична от них. Будучи по матери русской, а по отцу американкой, она родилась в Нью-Йорке, детство провела в России, затем жила в Китае и США. Визи писала как на русском, так и на английском языке. Ее творческий путь начался в Китае, где были опубликованы два первых поэтических сборника, не имевших названия: один – в Харбине (1929), другой – в Шанхае (1936), а завершился в Сан-Франциско, где в 1973 г. был издан ее последний сборник «Голубая трава». М. Визи принимала участие в литературной жизни русского зарубежья и активно печаталась в русской эмигрантской периодике. При этом сама она отмечала: «...Я совсем не эмигрантка. ...Когда мои школьные соученики спрашивали меня, русская ли я или американка, я с гордостью отвечала, что на сто процентов русская и на сто процентов американка» (пер. с англ. наш. – А.А., Б.К.) [A Moongate in My Wall 2005: 1]. В России М. Визи провела детство. Когда ей исполнилось 13 лет, семья переехала в Китай, поскольку ее отца, сотрудника американского посольства в Санкт-Петербурге, перевели на службу в американское консульство в Харбине (1917). Здесь М. Визи получила образование, начала публиковать стихотворения. Поэтесса продолжила обучение в США: в 1925 г. она поступила в Помона-колледж (Pomona College) в Калифорнии, а после его окончания вернулась в Китай. В 1939 г. семья Визи навсегда переехала в Сан-Франциско. На протяжении американского периода жизни М. Визи писала стихи и делала переводы, печатаясь в газете «Русская жизнь», журналах «Возрождение» (Париж) и «Современник» (Торонто), принимала участие в ряде литературных сборников.

Участие в Литературно-художественном кружке и работа в русских изданиях объединили судьбы трех поэтесс; в Сан-Франциско вышли их итоговые поэтические книги. Между тем, обращение к ранней лирике и анализ первых поэтических сборников авторов русского зарубежья кажется продуктивным, поскольку такого рода анализ позволяет понять особенности формирования лирической системы «младшего поколения» поэтов. Рассмотрение в этом ракурсе поэзии О. Скопиченко, М. Визи, Е. Грот расширяет наши представления об этом процессе.

Поэтический опыт рассматриваемых писателей уникален, поскольку, впитав русскую культуру, они на-

чали творческий путь на Востоке, а завершили его на Западе. Близкие исторические и биографические контексты обусловили типологические особенности творчества поэтов младшего поколения, пути становления их поэзии. В данной работе мы рассмотрим стратегии авторского самоопределения в ранних сборниках стихотворений Марии Визи, Ольги Скопиченко, а также в первом из двух поэтических сборников Елены Грот «Свеча зажженная» (1930), включающем стихотворения более раннего времени.

В самоопределении поэтического «я» рассматриваемых писателей большую роль играла ориентированность на культуру Серебряного века. Все три поэта в значительной степени формировали свою поэтическую индивидуальность, опираясь на творчество Блока, Гумилева, Ахматовой.

Покинув родину в очень молодом возрасте (самой старшей – Елене Грот – было 25 лет), они увезли с собой детские и подростковые впечатления о России и – русскую культуру, дальнейшее постижение которой продолжилось уже за границей. Как замечает Ю. В. Зобнин, определяя специфику отношений между поколениями «отцов» и «детей» в парижской диаспоре, «в 1920-е годы в литературную жизнь вступало поколение, рожденное либо во второй половине 1890-х, либо в начале 1900-х годов. Первые со школьной или студенческой скамьи попадали на фронты Первой мировой, вторые – на фронты Гражданской войны или в катастрофу тылового террора или беженства. Так или иначе мирная российская жизнь... завершалась для них подростковыми и юношескими воспоминаниями... а собственно личностное становление, формирующее в том числе и специфику художественного мировосприятия, происходило в условиях интернациональной катастрофы, уничтожившей не только отечественный бытовой уклад, но и те духовные столпы, на которых этот уклад покоился» [Зобнин 2010: 11].

Эти слова справедливы и в отношении поколения, в 1920-е годы включившегося в литературную жизнь русской диаспоры на Дальнем Востоке, в Китае, и затем оказавшегося в США. Можно отметить значительную литературоцентричность поэзии «младшего поколения» китайской и американской ветвей русской эмиграции первой волны – воспроизведению в ней атмосферы русского Серебряного века, усвоенных литературных образцов и художественных принципов модерна. Поэтическое самоопределение М. Визи или О. Скопиченко было обусловлено общими стилевыми чертами литературы Серебряного века, в частности, символизма – перерабатываемого и творчески воплощаемого в ситуации отрыва от Родины.

Так, в первом сборнике М. Визи «Стихотворения» (1929) заметно воздействие русского символизма (см. об этом более подробно: [Арустамова, Кондаков 2018]). Среди художественных принципов символизма, оказавших влияние на поэтику М. Визи, можно назвать антитетичность, проявляющуюся в противопоставлении «горного» и «дольного», «сакрального» и «профанного» миров, «здешнего» и «запредельного» пространств и ставшую важнейшим структурным признаком системы мотивов и образов. Поэтика первого сборника во многом имеет условно-декоративный ха-

актер, ей присущи элементы стилизации, а одной из ключевых ее особенностей является широкое использование цветописи.

Особенностью поэтического мироощущения М. Визи является выстраивание ею собственной поэтической идентичности в диалоге с символизмом и – шире – всей культурой Серебряного века. Поэтесса воспринимала себя как ее «продолжателя» в новую историческую эпоху, в новой литературной ситуации. Для М. Визи в этот период духовным ориентиром становится фигура А. Блока, обращение к которому встречается во многих ее произведениях. Как отмечают исследователи, «при всей дискуссионности вопроса об отношении харбинских поэтов к „серебряному веку“ бесспорно одно: все они в той или иной мере испытали влияние А. Блока» [Эфендиева, Забияко 2008: 10]. Не является исключением и М. Визи: в посвященном поэту цикле стихов реализуется сюжет поиска лирической героиней собственного творческого пути.

Так, в стихотворении «Стою в пыли...» противопоставлены земное и небесное, материальное и духовное, сакральное и профанное. Поэтесса «универсализирует» черты поэта Серебряного века, придавая ему ореол святости: «Твое лицо теперь – икона, / Твоя в сиянье голова» [A Moongate in My Wall 2005: 26]. В ее лирике неоднократно выражается представление об искусстве как о жизнестроении, высказывается связанная с этим представлением идея поэтического служения. Однако лирическая героиня полна сомнений, достойна ли она быть «наследницей» великого поэта: «Мое кадило недостойно / Твоей слепящей высоты» [там же].

М. Визи утверждает идею своего жизненного пути как наследования блоковского служения искусству («Ты мне вручил сосуд с зарею, / Блеснувший ярким солнцем шар, / И я пошла твоей стезею / Искать края заветных чар» [там же: 32]). Для М. Визи «жизнь и поэзия – одно» (В. Жуковский), и, несмотря на сомнения в собственном поэтическом даре, быть поэтом для нее – единственно возможный вариант судьбы («Из камня белого Каррары», «Мы видели твою зарницу», «Приди опять из отдаленья» и др.).

В поэзии М. Визи постоянно присутствуют аллюзии на раннее творчество Блока (цикл «Стихи о Прекрасной Даме»). М. Визи близка позиция лирического героя стихотворений «Я, отрок, зажигаю свечи», «Вхожу я в темные храмы». Выражая идею смиренного служения, поэтесса опирается на систему мотивов и образов блоковского цикла (в частности, упоминает «кадила», «иконы», «ризы», «лампады»). В фигуре Блока М. Визи привлекает воплощение идеи поэта, являющегося медиатором между миром земным и небесным. Тем трагичнее воспринимается уход Блока: для поэтессы он знаменует разрыв культурной традиции, в результате которого последующие поколения уже не смогут понять язык прежней культуры: «Ты будешь юный и певучий, / Певцы живые не затмят / ушедший твой печально-жгучий и гордый и глубокий взгляд» [там же: 52]; «Он умер, – и ведь я не знаю / ни слов таких, ни заклинаний, / чтоб вернуть земному краю / хоть часть его очарований» [там же: 71]).

В произведениях О. Скопиченко центральное место занимает топика изгнанничества. В сочетании с ис-

поведальностью – с одной стороны, и ориентацией на поэтику Серебряного века – с другой, она определяет специфику поэтического стиля ее раннего творчества. В 1926 г. выходит первый сборник «Родные порывы», а в 1932 г. второй – «Путь изгнанника», и обе книги проникнуты героикой борьбы за Родину, за ее возрождение и освобождение от большевиков. Исследователи отмечают, что первые сборники О. Скопиченко были созданы под влиянием поэзии Марианны Колосовой, старшей подруги поэтессы. О. Скопиченко и М. Колосова были дружны; живя в Харбине, снимали вместе комнату. Известны стихотворения обеих поэтесс с взаимными посвящениями; эпизоды дружбы с Марианной Колосовой, их совместный быт нашли отражение в автобиографической прозе Скопиченко [Скопиченко 1993; см. также: Суманосов 2011].

Энергия борьбы и готовность посвятить свой путь освобождению России характерны для ранних сборников О. Скопиченко. «Отчего я пишу об одном, об одном? / Моя песнь отчего льется вольным ручьем? / И журчит, и трепещет, и льется в слезах, / Отзываясь в моих детских слабых стихах... / Отчего не могу я писать про цветы, / Про ручьи, про любовь и мечты?» [Скопиченко 2013: 512]. Свое предназначение поэтесса видит в том, чтобы разбудить Родину на борьбу: «Я хочу ее песней своей разбудить / И угасшую веру в душе воскресить!» [там же]. Не случайно цитируемое стихотворение называется «Страничка молодежи». Обращения к молодежи, к совсем юным «детям эмиграции», посвящения к стихотворениям, адресованные молодым поэтам, не раз встречаются на страницах сборников О. Скопиченко. В этих текстах выражается призыв к борьбе, и доминирующими в них становятся эмблематичные образы (например, в стихотворении-диалоге с «крохоткой» – «маленькой девочкой с русою косичкою»).

В этих сборниках формируется своеобразная «топика изгнанничества», для которой характерно обращение к мотивам усталости и одиночества, абсолютизация противопоставления родины и «чужбины»: «Здравствуй, родина! Здесь, на чужбине вдали / От твоих одиноких селений / Я нашла тебя в сердце своем. Говори / О победах далеких мгновений!» [там же: 506]. В качестве цели своего пути лирическая героиня стихотворений видит присоединение к борющимся. Формулируемое поэтессой стремление к борьбе настолько захватывает ее, что в ряде произведений женское лирическое «я» изменяется на мужское. Так, во втором сборнике «Путь изгнанника» читаем: «Ты же мольбу любимую / Я повторяю с верою – / Пусть я сражен чужбиною, / Но и сраженный – верую!.. Лучше мне быть расстрелянным, / Чем позабыть о родине» [там же: 385]. Автор репрезентирует себя одновременно и как создателя «детски-слабых» строк, и как обладателя еще совсем юного сердца: «Второй бокал за близких поднимаю, / Кто душу детскую сумел понять, / Кто мне вложил любовь к родному краю... / Я Бога всемогущего молю – / Пусть буду я измят и искалечен, Но да пошлет он мне единственную встречу / Увидеть Родину далекую мою» [там же: 392].

В стихотворениях О. Скопиченко 1920–1930-х годов звучит также мотив уверенности в будущем возрождении России и возврате домой, причем возвращении на

родину не в качестве горького изгнанника, а как хранителя русского быта. Исследователи русской диаспоры в Китае неоднократно подчеркивали «русскость» Харбина, его особое положение в силу исторических условий и, в отличие от других центров эмиграции, наибольшую степень сохранности в нем русского уклада жизни и духовной близости к родине [Хисамутдинов 2010, 2013; Бакич 2001]. Именно этим обстоятельством может быть объяснено появление важнейшей идеи в стихах юной О. Скопиченко: быть «хранителем» не только русской культуры, как это было сформулировано в раннем творчестве Марии Визи, но и самого уклада национальной жизни, русского быта, русской повседневности.

В произведениях 1920–1930-х годов О. Скопиченко, как и М. Визи, следует символистским принципам поэзии Серебряного века и, в частности, развивает идущую от русской классической литературы традицию переосмысления фольклорных образов. Особенно ярко эта особенность творчества символистов проявляется при создании образа Родины, который конструируется с опорой на поэзию Блока. В ее стихотворениях Россия именуется «невестой» («Русь!.. Ты как невеста скончалась»), в образе которой сочетаются бесшабашная удаль, стихия и молитвенное смирение («то ты с бешеным гиком летишь / По полям, разгоняя прохожих; / То молитвенно в храме стоишь / На угодников Божьих похожа» [Скопиченко 2013: 513]). Раздвоенность и широта становятся важнейшими качествами и «славянской души», и образа России, который антропоморфизируется: «Бесшабашная удаль, красивый порыв, / Смесь бесчинства с раскаяньем смелым... / Это смелые взмахи славянской души, / Это облик России любимой» [там же: 510]; «Ты двулика я родина-мать... / Как понять твою волю, родная?» [там же: 513]; «Русь-царевна – снегурка ковровая» [там же: 509].

В поэтическом мире О. Скопиченко Родина «тяжко заснула», но ожидает «пробуждения», которое должно последовать от своего рыцаря или богатыря. Лирическая героиня отождествляет себя с фольклорными персонажами, мечтая о героическом подвиге освобождения Родины. «Кабы силу мне. Как Бова богатырь / Я б на грозных врагов налетела...» [там же: 506]. В стихотворении «Меч» героиня видит себя всадником, который готов сразиться за Родину, найти богатырский меч, вспомнить о былинных временах и славе Руси. Славное прошлое станет, по мнению героини, «подспорьем» в борьбе за Россию в сражении с «изменой» и «безверьем» [там же: 505].

Фольклорные образы русалок, медведя, изображение леса как волшебного, сказочного пространства характерно для первых двух сборников О. Скопиченко (в этом она также близка М. Визи). О. Скопиченко обращается к исконно русскому, «корневому» миру святой Руси. Не случайно именование «Русь» неоднократно встречается в стихотворениях того времени. Лирическая героиня воспринимает «преданья старины глубокой» как основу не только прошлой славы Руси, но и будущей славы России. В поэзии О. Скопиченко можно усмотреть восхождение к традиции А. К. Толстого и его концепции Древней Руси. Исследователями замечено глубинное сходство в понимании идеи Руси

в творчестве А. Блока и А. К. Толстого. Так, Н. П. Колосова пишет: «...И у А. К. Толстого и у Блока по-разному оформленные внешне, но единое по внутренней сущности упование – вера в нерастраченные, исконно присущие русскому народу громадные потенциальные творческие силы. Но принципиальная разница мироощущений Толстого и Блока заключалась в стремлении к упорядоченности, гармонии у первого и к стихийности, катастрофизму у второго. Скифство как олицетворение неодолимой стихии – притягательно для Блока и чуждо А. К. Толстому» [Колосова 1987: 51].

Ориентация на символизм способствует тому, что поэтесса обращается к характерному для направления образному ряду, прежде всего – вслед за Блоком – сочетанию в образе России «женственности» и «исторической мощи». Однако, в отличие от М. Визи, О. Скопиченко использует символистскую образность как прием, а не проявление *жизнетворчества*.

Для поэзии О. Скопиченко характерно «горизонтальное», географическое противопоставление Родины и «страны изгнания». В ее ранних поэтических сборниках Китай воспринимается исключительно как чужое пространство, которому никогда не суждено стать домом. Но таковым для автора является и любое пространство за пределами России («дальняя Родина, снеговая белая радостная Русь»), к которой устремлены все помыслы и мечты лирической героини.

На протяжении всего творчества О. Скопиченко обращалась к воспоминаниям о детстве и о своей семье. В одном из стихотворений она отождествляет себя с Татьяной Лариной как воплощением всего русского («Дню русской культуры»). Поэтесса формулирует основания для такого сближения: «Ведь мы – изгнанницы, невольны все мы / Душою тяготеем к старине» [Скопиченко 2013: 437] и находит черты характера и обстоятельства судьбы, сближающие ее с пушкинской героиней. Героиня называет себя и Татьяну Ларину «изгнанницами», очевидно, потому, что Татьяне также пришлось покинуть родной усадебный мир и оказаться в «чужом» пространстве великосветской столичной жизни, городской суеты. Возможно, что слова «буду век ему верна» могли прочитываться поэтессой как утверждение невозможности вернуться в прежнее состояние, в «родной дом». Можно найти переклички между словами Татьяны («Сейчас отдать я рада / Всю эту ветошь маскарада... / За полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище... / Да за смиренное кладбище, / Где нынче крест и тень ветвей / Над бедной нянею моей...» [Пушкин 1978: 162]) и признанием лирической героини О. Скопиченко («Я с ней [Татьяной] беседую своими снами: / О Родине, о Волге, о снегах / И также грустно мне без старой няни / В огромных незнакомых городах» [там же 2013: 438]). Лирическая героиня, как и Татьяна, тоскует по «мелодии полей», Волге, усадебной провинциальной России, русскому ландшафту, «лесу покинутой страны». Она «присваивает» себе те черты Татьяны Лариной, ставшей воплощением русского национального характера, которые подчеркивают ее «русскость». Как и Татьяна Ларина, лирическая героиня О. Скопиченко ощущает духовную близость со старой няней, которая воплощает уют, безопасность, заботу, и тем горше оказывается

расставание с ней (няня поэтессы не покинула Россию и осталась в Сызрани).

Интерпретация О. Скопиченко образа пушкинской героини обусловлена не столько общностью фактов биографий поэтессы и персонажа русской литературы, сколько стремлением найти в себе общее с «национальным характером», «русскостью», воплощенной в Татьяне. Для О. Скопиченко принципиально важно «присвоение» этого образа, поскольку в этом случае происходит символическое сближение с утраченной родиной, ее повторное символическое обретение: «Какая разница? Она носила косы, / Гадала верила в приметы, в сны. / А я стараюсь в дымке папиросы / Увидеть лес покинутой страны» [там же: 437]. В творчестве О. Скопиченко присутствует как ключевой для поэзии русской эмиграции архетип дома, так и архетипический образ детства как потерянного рая. Не только в ранней лирике, но и в более позднем творчестве, в рассказах О. Скопиченко будет не раз возвращаться к изображению счастливых страниц детства, рисовать образ няни и размышлять о трагическом переломе своей судьбы в контексте судьбы России.

Елена Грот – поэтесса, чье творчество в наибольшей степени можно называть «чистой лирикой». Первый сборник стихов вышел, когда ей исполнилось 39 лет, а между 1921 г. (переезд в Калифорнию) и 1930 г. стихотворения Е. Грот печатались в издававшихся в Сан-Франциско альманахах и газете «Русская жизнь».

В ее произведениях нельзя найти того, что легко обнаруживается в раннем творчестве М. Визи или О. Скопиченко: следов ученичества, интонации сомнения в своем призвании и даре и приближающихся к дневниковым описаний поиска поэтического пути. В первом из двух опубликованных ею сборников – «Свеча зажженная» – автор размышляет о своем пути, который точно определен и обозначен. Можно указать на еще одну особенность поэзии Е. Грот: фокусировку на *жизни духа*, противоположной всему земному. В отличие от М. Визи и О. Скопиченко, Е. Грот не приводит точных примет исторического, биографического времени и пространства (например, деталей русского, дальневосточного или американского пейзажа, за исключением написанного в 1916 г. стихотворения «В Америку» и стихотворения «За океаном»).

В поэзии Е. Грот преимущественно выражалась «тоска по недоступным небесам», трагическое переживание земного существования. Поэтесса размышляла о своей судьбе в контексте драматичного пути земной души («Но, Боже, дай мне сил узреть твой вечный свет / Трудиться для тебя, отринув суету» [Грот 1969: 18]). Скорбная интонация лирики поэтессы была обусловлена как персональными трагическими обстоятельствами – потерей двух детей, рано умерших, – так и трагически переживаемой ею историей XX века.

Сборник «Свеча зажженная» открывается эпиграфом из «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло: «Ye, who sometimes in your rumpers / Through the green lanes of the country / Pause by some neglected graveyard, / For a while to muse, and ponder / On a half-effaced inscription, / Written with the little skill of song-craft, / Homely phrases, but each letter / Full of hope and yet of heart-break, / Full of all the tender pathos / Of the Here and the Hereafter; – /

Stay and read this rude inscription» [Грот 1930: 3]. В этих строках присутствуют ключевые мотивы, характерные для всего сборника: смерти, памяти об ушедших (два стихотворения посвящены умершим детям поэтессы), непреходящей скорби, стремления ввысь, а также выражается противопоставление «земному хаосу» горней чистоты и гармонии.

«Стремлюсь к небесной отчизне... молюсь неясной мечте... / Из обломков разбитой жизни сплетаю венки красоте» [Грот 1930: 7]. В выражении своего мироощущения Е. Грот, как и М. Визи и О. Скопиченко, обращается к поэтике символизма. Однако в ее произведениях отчетливо присутствуют черты – как русского, так и французского. Так, в сборник «Свеча зажженная» включен перевод стихотворения поэта «В час предсмертной тоски...» поэта-парнасца Сюлли Прюдом. Эмоциональный тон лирики поэтов-декадентов воспроизводится в большинстве стихотворений сборника. Можно вспомнить слова К. Бальмонта, аллюзии на творчество которого встречаются в поэзии Е. Грот: «Символическая поэзия неразрывно связана с двумя другими разновидностями современного литературного творчества, известными под названием декадентства и импрессионизма. Они видят, что вечерняя заря догорела, но рассвет еще спит где-то за гранью горизонта; оттого песни декадентов – песни сумерек и ночи» [Бальмонт 2010: 350–351]. Бальмонт относит к числу декадентов поэтов-парнасцев, к коим принадлежит и Прюдом.

Поэтесса усиливает тему страдания, одиночества в земной жизни, используя эпиграфы к стихотворениям, в которых передана эта идея. В заголовочном комплексе стихотворений Е. Грот эпиграфы играют большую роль, чем в поэзии М. Визи или О. Скопиченко. Так, стихотворению «Скорбь» предпослан эпиграф – усеченная (для усиления эффекта оксюморонности) строка из поэмы Блока «Роза и крест»: «Радость – страданье!» [Грот 1930: 7]. В цитируемой строфе поэмы Блока речь идет о страданиях и радостях любви, ее амбивалентности. Поэтесса актуализирует смысл метафизических исканий лирической героини, расширяя контекст своих размышлений. В ее стихотворении выражено стремление к небесному: «И сердцу боль нужна, чтоб громче сердце пело / В тоске по недоступным небесам» [там же: 8].

Эпиграфом к стихотворениям первого сборника являются строки из Апокалипсиса или близкое поэзии символизма стихотворение Бунина «Вирь». Поэтесса вступает в диалог с бунинским текстом, развивает его идеи, предполагая знание читателем всего стихотворения Бунина, ключевыми строками которого можно считать следующие: «Лес молчаливый и унылый / И скорбной песни красота / Полны неотразимой силы!» [Бунин 1987: 89]. Стихи Е. Грот находятся в постоянном сложном эстетическом диалоге с русской поэзией Серебряного века, явно апеллируя к памяти читателя, памяти культуры, которая бережно сохраняется в эмиграции.

В «Свече зажженной» мир изображается как преимушественно ночной, зыбкий, тревожный: «Из густых камышей всходит в странном молчанье / Месяц красный, как кровь» [Грот 1930: 13], и в этой цитате очевидна

переключка с бальмонтскими строками стихотворения «Камыши»: «В болоте дрожит умирающий лик. / То месяц багровый печально поник» [Бальмонт 1992: 38]). Страдания и разочарования в поэзии Е. Грот эстетизируются, в ее лирике проявляются черты декоративности, свойственной поэзии старших символистов. Не случайно в сборнике «Свеча зажженная» появляются образы Пьеро и Арлекина и обыгрываются перипетии драматического треугольника Пьеро – Арлекин – Коломбина («Пьеро», «Умер Арлекин»). На протяжении всего творчества поэтесса неоднократно возвращалась к этим образам, – в частности, в цикле «Карнавал жизни» (опубликован в альманахе «Родные мотивы» в 1924 г.). Монолог Пьеро из этого цикла был включен автором в итоговый сборник стихов «Избранное». Заметим, что в «Карнавале жизни» особенно сильны мотивы одиночества и смерти. Арлекин, вынужденный носить шутовскую маску, умирает непонятым и одиноким: «Холодна, точно жизнь, холодна эта ночь / Звезды с грустью на землю глядят. / Больше ложь не нужна, маска сброшена прочь / И костюм маскарадный измят» [Грот 1924: б.н.].

Первый поэтический сборник Е. Грот ориентирован на воспроизведение духовных поисков лирической героини. Поэтическое самоопределение в этот период творчества связано с метафизическими поисками, попыткой найти ответы на философские вопросы в диалоге с Божественным. В ее поэзии индивидуальное «я» вопрошает от имени всего человечества, лирическое «я» воплощает страдания, трагическое одиночество и поиски человека вообще. Общее и индивидуальное сопрягаются в рамках одного художественного текста. Поэтесса задает вопросы: «И что такое жизнь? Что в ней добро и зло? / Что значит человек с своею мыслью пленной?.. / И что такое смерть? Один ничтожный миг, / Конец мелькнувшего, как сон, существованья» («Рок – [Грот 1930: 17]), – и в то же время размышляет о земном пути своей души: «Душа, душа моя! Вся боль и грусть твоя / Исчезнет без следа навек в волнах эфира... Сияют надо мной огни иных миров... / В холодном блеске их душа моя застыла...» [там же]).

В первом сборнике Е. Грот происходит выход за рамки географических координат или конкретных примет времени. Трагизм собственной судьбы и неблагоприятие человеческой жизни в эпоху исторических переломов («В мире брошены миллионы жертв таких... / В наш жестокий век погибну не одна я» [Грот 1930: 25]) заставляют поэтессу стремиться преодолевать границы земного мира, актуализировать тягу к «миру горнему». Образ жестокого века аллюзивен и актуализирует в сознании читателя несколько образов, созданных русской литературой XIX–XX веков. Прежде всего, это образы «жестокого века» из стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» («...В мой жестокий век восславил я свободу»), «железного пути» из стихотворения Баратынского «Последний поэт» («Век шестует путем своим железным»), выражающего трагическое переживание смены исторических эпох, контаминацию которых можно обнаружить в блоковских строках, открывающих первую главу поэмы «Возмездие»: «Век девятнадцатый, железный, / Воистину жестокий век! / Тобою в мрак ночной, беззвездный / Беспечный

брошен человек!» [Блок 1980: 276]. В Предисловии к поэме Блок уточняет свое восприятие начала «века двадцатого»: «Уже был ощутим запах гари, железа и крови» [там же: 271].

Таким образом, в стихотворении Е. Грот аккумулируется лирическая традиция философского осмысления русской классической литературой XIX века и литературой Серебряного века переломных этапов истории. Поэтесса рефлексировала над трагическими событиями русской и мировой истории, произошедшими после революции 1917 года. Она вступает в творческий диалог с Блоком, писавшем в том же Предисловии к поэме: «... Нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и – увьи! – забыть их нельзя, – они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах» [Блок 1980: 270]. Возможно, что для Е. Грот особым смыслом могли быть исполнены слова Блока, написанные в 1919 г. в Предисловии к поэме «Возмездие»: «...Путем катастроф и падений мои „Rougon-Macquart“ постепенно освобождаются от русско-дворянского education sentimentale, „уголь превращается в алмаз“, Россия – в новую Америку; в новую, а не в старую Америку» [там же: 272–273]. Однако, как показала история XX века, события стали развиваться не так, как предполагал поэт. Это стало очевидным в 1930 году, когда был опубликован сборник «Свеча зажженная», и особенно очевидным это стало для тех русских, кто был вынужден покинуть Россию и оказался в «старой Америке».

Сборник имеет собственный сюжет, в основу которого положен путь лирической героини от lamentаций и трагического переживания скорбного пути души к возвышению в этой скорби и пониманию языка Божественного: «Пусть я ничтожная пылинки мироздания, / Но я с Творцом его без страха говорю» («Пусть я – лишь часть всемирного страдания» [Грот 1930: 27]), что становится возможным в силу божественного присутствия в каждом из живущих на земле (в данном стихотворении можно усмотреть ориентацию на традицию философской лирики Тютчева и Фета).

Поэтический язык Е. Грот укоренен в традиции русской классики и культуры Серебряного века, то есть в памяти русской культуры. Поэтическое слово автора своей природой связано с поэзией XIX – начала XX веков. В ее творчестве возникает эффект звучания памяти культуры, очищенной от сиюминутности. Стихи Е. Грот словно бы сотканы из поэтических особенностей русского символизма и – шире – модернизма, и в этом смысле ее устами говорит ушедшая эпоха и исчезнувшая культура, перенесенная на новую почву.

Таким образом, важнейшую роль в определении поэтического «я» в ранних сборниках трех поэтесс играет включенность в культуру Серебряного века и воспроизведение в поэтике и авторском мироощущении атмос-

феры символизма. В наибольшей степени это проявилось в творчестве Елены Грот, в поэзии которой в наибольшей степени обнаруживается влияние старших символистов и Александра Блока. Литературоцентричным является и первый сборник Марии Визи, ранняя лирика которой, особенно в харбинский период, ориентируется на поэтическую традицию Серебряного века. М. Визи напряженно рефлексировала по поводу своего места в этой традиции и своего творческого предназначения. Литературоцентричность ранних сборников объясняется не столько юностью или «ученичеством» авторов (что особенно характерно для произведений М. Визи и О. Скопиченко), сколько «отсутствием» биографической памяти, непрожитой в России жизни, которая компенсировалась «памятью культурной».

Символизм как прием характерен для творчества Ольги Скопиченко, освоившей поэтический инструментальный ключевого направления Серебряного века. В отличие от М. Визи и Е. Грот, О. Скопиченко настойчиво заявляет о присоединении к судьбе поколения, утратившего Родину, и поэтому в ее ранней поэзии большую роль играет тема трагической потери родины и связанная с ней тематика изгнанничества. В стихотворениях первых двух сборников настойчиво формулируется идея будущего возрождения России. Вместе с тем для О. Скопиченко важны универсалии русской культуры (обращение к фольклору сквозь призму русской классики и модернизма) и национальные особенности русского характера. Стремление сохранить русский быт, сберечь сохранившийся в Харбине национальный уклад и «перенести» его на родину после возвращения, – таковы интенции юной лирической героини поэтессы, отличающие ее от М. Визи и Е. Грот.

В поэтических сборниках трех поэтесс воплощена идея сохранения культурной традиции Серебряного века. Они обращаются к блоковской традиции, однако каждая делает это по-своему. В поэзии М. Визи появляется образ Блока как медиатора между материальным земным и идеальным миром. Определяя свой путь, она ставит вопрос о возможности наследования поэзии Блока и о понимании своего поэтического пути как жизненного. Е. Грот обращается к позднему творчеству Блока, для которого характерно предвосхищение грядущей катастрофы. Вступая в диалог с поэтом посредством цитирования его поэзии, обращения к образному ряду его стихов, Е. Грот рефлексировала над трагической судьбой человека XX века, преодолевая рамки своей эпохи и выходя в область универсального. О. Скопиченко обращается к блоковскому образу Руси, а через него – к традициям русской классической литературы.

О. Скопиченко, Е. Грот и М. Визи удалось «унести с собой» поэтическую речь русского Серебряного века и продолжать его традиции на чужбине, одновременно найти собственное место в ситуации культурного разрыва, продолжив культурные традиции русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

- Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Традиции символизма в цветописии М. Визи // Евразийский гуманитарный журнал. – 1918. – № 3. – С. 75–82.
Бакич О. Мария Визи – поэт России, Китая и США // Revue des Études Slaves Année. – 2001. – № 73-2-3. – P. 373–386.

- Бальмонт К. Д. Светлый час. Стихотворения и переводы. – М.: Республика, 1992. – 590 с.
 Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Книговек, 2010. – Т. 6. – 623 с.
 Блок А. А. Собрание сочинений: в 6 т. – Л.: Художественная литература. Ленингр. отд-ние, 1980. – Т. 2. – 470 с.
 Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1987. – Т. 1. – 687 с.
 Вспомнить, нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / сост. В. А. Суманосов. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2011. – 331 с.
 Грот Е. Избранные стихи и очерки. – Мадрид: [б. и.], 1969. – 143 с.
 Грот Е. Карнавал жизни // Родные мотивы. – Сан-Франциско: Издание Литературно-художественного кружка, 1924 [б. н.]. – Вып. 2.
 Грот Е. Свеча зажженная. – Сан-Франциско: [б. и.], 1930. – 32 с.
 Забияко А. А., Эфендиева Г. В. «Четверть века беженской судьбы»: художественный мир лирики русского Харбина. – Благовещенск, 2008. – 427 с.
 Зобин Ю. В. Поэзия белой эмиграции. «Незамеченное поколение». – СПб.: СПбГУП, 2010. – 256 с.
 Каспэ И. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 192 с.
 Колосова Н. П. Блок и А.К. Толстой // Литературное наследство. – М., 1987. – Т. 92. – Кн. 4. – С. 47–56.
 Крейд В. Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско (1921-1957) // Новый исторический вестник. – 2001. – № 3. – С. 192–195.
 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. – Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. – 528 с.
 Русская поэзия Китая. Антология / сост. В. Крейд, О. Бакич. – М.: Время, 2001. – 718 с.
 Скопиченко О. Избранное / ред. В. Суманосова. – Барнаул; Сан-Франциско, 2013. – 525 с.
 Скопиченко О. Рассказы и стихи. – Сан-Франциско, 1993. – 316 с.
 Хисамутдинов А. А. Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. – Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. – 639 с.
 Хисамутдинов А. А. Русский Сан-Франциско. – М.: Вече, 2010. – 364 с.
 A Moongate in My Wall: Collected Poetry of Mary Custis Vezey / ed. by O. Bakich. – New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2005. – 356 p.

REFERENCES

- Arustamova A. A., Kondakov B. V. (1918). *Traditsii simbolizma v tsvetopisi M. Vizi*. [Traditions of Symbolism in Poetics of Colour of M. Vizi]. In *Evrasiyskiy Gumanitarnyy Zhurnal*. No. 3, pp. 75–82.
 Bakich, O. (Ed.). (2005). *A Moongate in My Wall: Collected Poetry of Mary Custis Vezey*. New York, Peter Lang Publishing, Inc. 356 p.
 Bakich, O. (2001). *Mariya Vizi – poet Rossii, Kitaya i SShA*. [Mariya Vizi – the Poet of Russia, China and the USA]. In *Revue des Études Slaves Année*. No. 73-2-3, pp. 373–386.
 Bal'mont, K. D. (1992). *Svetlyy chas. Stikhotvoreniya i perevody* [Light Hours. The Poems and Translations]. Moscow, Respublika. 590 p.
 Bal'mont, K. D. (2010). *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vol.]. Moscow, Knigovok Publ. Vol. 6. 623 p.
 Blok, A. A. (1980). *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura. Leningradskoe Otdelenie. V. 2. 470 p.
 Bunin I. A. (1987). *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. V. 1. 687 p.
 Grot, E. (1924). *Karnaval zhizni* [Carnival of Life]. In *Rodnye motivy*. San Francisco: Izdanie Literaturno-Khudozhestvennogo Kruzhka. V. 2.
 Grot, E. (1930). *Svecha zazhzhennaya*. [Lighted Candle]. San Francisco. 32 p.
 Grot, E. (1969). *Izbrannye stikhi i ocherki*. [Selected Poems and Sketches]. Madrid. 143 p.
 Kaspe, I. (2005). *Iskusstvo otsutstvovat'. Nezamechennoe pokolenie* [Art to be Absent. Unheeded Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 192 p.
 Khisamutdinov, A. A. (2010). *Russkiy San-Frantsisko*. [Russian San Francisco]. Moscow, Vechе. 364 p.
 Khisamutdinov, A. A. (2013). *Russkie volny na Pasifike: iz Rossii cherez Kitay, Koreyu i Yaponiyu v Novyy Svet*. [Russian Waves on Pacific: from Russia via China, Korea and Japan to the New World]. Pekin, Vladivostok, Rubezh. 639 p.
 Kolosova, N. P. (1987). *Blok i A. K. Tolstoy* [Blok and A. K. Tolstoy]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 92. B. 4, pp. 47–56.
 Kreyd, V. (2001). *Literaturno-khudozhestvennyy kruzhok v San-Frantsisko (1921-1957)* [Literary-Art Circle in San Francisco]. In *Novyy istoricheskiy vestnik*. No. 3, pp. 192–195.
 Kreyd, V., Bakich, O. (Eds.). (2001). *Russkaya poeziya Kitaya. Antologiya*. [Russian Poetry of China. Anthology]. Moscow, Vremya. 718 p.
 Pushkin, A. S. (1978). *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vol.]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1977–1979. Vol. 5. 528 p.
 Skopichenko, O. (1993). *Rasskazy i stikhi*. [Short Stories and Poems]. San-Francisco. 316 p.
 Skopichenko, O. (2013). *Izbrannoe*. [Selected Poems] / ed. by V. Sumanosov. Barnaul, San Francisco. 525 p.
 Sumanosov, V. A. (Ed.). (2011). *Vspomnit', nel'zya zabyt'. Stikhi Marianny Kolosovoy*. [Recall, nor Forget. Poems by Marianna Kolosova]. Barnaul, Altayskiy Dom Pechati. 331 p.
 Zabiayko, A. A., Efendieva, G. V. (2008). «Chetvert' veka bezhenskoj sud'by»: khudozhestvennyy mir liriki russkogo Kharbina. [Quarter of the Century of Refugee Destiny: Art world of Poetry of the Russian Kharbin]. Blagoveshchensk, Amurskiy Gosudarstvennyi Universitet. 427 p.
 Zobin, Yu. V. (2010). *Poeziya beloy emigratsii. «Nezamechennoe pokolenie»*. [The poetry of White Emigration. "Unheeded Generation"]. St. Petersburg, SPbGUP. 256 p.

Данные об авторах

Арустамова Анна Альбертовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь).

Адрес: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
 E-mail: aarustamova@gmail.com.

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь).

Адрес: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
 E-mail: KondakovBV@gmail.com.

Author's information

Arustamova Anna Albertovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian literature, Perm State National Research University (Perm).

Kondakov Boris Vadimovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian literature, Perm State National Research University (Perm).